

«Мирские притчи» в древнерусской рукописи XV в.

Появившиеся в последнее время исследования, посвященные «смеховому миру» Древней Руси, показали, что юмористические и сатирические тексты были известны древнерусским книжникам не только в XVI—XVII вв., но и намного раньше.¹ К уже рассмотренному широкому кругу «смеховых» произведений можно добавить Слово «о злых женах» в оригинальной русской переработке XV в., которой и посвящена настоящая работа.

Слова «о злых женах» (или «о добрых и злых женах») встречаются в древнерусской книжности уже с XI в.; они входят в состав Изборников 1073 и 1076 гг., Златоструя, Пролога, Измарагда, Великих Миней Четых и многочисленных сборников непостоянного состава.² Одним из основных источников древнерусских Слов «о добрых и злых женах», как установил А. С. Архангельский, является сочинение о женах, помещенное в «Вопросах и ответах» Анастасия Синаита³ и известное по Изборнику 1073 г.⁴ Исследователь отметил, что «3-я часть трактата, читаемого у Анастасия о женах (глава 86-я), по-видимому, служила источником для некоторых редакций Слова Даниила Заточника».⁵ С этим текстом Изборника 1073 г. (л. 174—175, нач.: «Всь възрьвыи рече на жену якоже похотѣти еи...») связано и «Сказание о злоноривых женах», читаемое в Берлинском сборнике XIII в. (л. 10—15 об., нач.: «Въсакъ възрьвыи реч[е] на жену якоже похотѣти еи...»)⁶ Как отметила Л. В. Титова, «русские книжники, опираясь на переводную учительную литературу, создавали различные модификации Слов о женах».⁷ Такие тексты, например, опубликованы М. И. Сухомлиновым, Н. А. Лавровским, Н. С. Тихонравовым, И. С. Некрасовым, П. П. Вяземским, А. С. Архангельским, А. И. Пономаревым,

¹ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. Л., 1984; Сатира XI—XVII веков / Сост., вступ. статья, коммент. В. К. Былинина, В. А. Грихина. М., 1987. Представление М. Ф. Мурьянова о том, что «все разговоры русистов о смеховой культуре и карнавальности вращаются главным образом вокруг протопopa Аввакума и, во всяком случае, не углубляются дальше эпохи Ивана Грозного» (Мурьянов М. Ф. Из истории чувства юмора // Древнейшие государства на территории СССР: Материалы и исследования. 1987 год. М., 1989. С. 197), является, по нашему мнению, неверным.

² Каган М. Д. Слова о добрых и злых женах // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1989. Вып. 2, ч. 2. С. 399—401; Титова Л. В. «Беседа отца с сыном о женской злобе»: Исслед. и публ. текстов. Новосибирск, 1987. С. 117—121 (далее: Титова).

³ Архангельский А. С. Творения отцов церкви в древнерусской письменности. Казань, 1890. Ч. 4. С. 174.

⁴ Изборник Святослава 1073 г. М., 1983. Л. 171—175 (далее: Изборник 1073 г.).

⁵ Архангельский А. С. Творения отцов церкви... С. 191.

⁶ Berlinski sbornik / Н. Miklas, V. M. Zagrebin. Graz, 1988. P. 10—15 v.

⁷ Титова. С. 121.

П. Симони, М. Д. Каган-Тарковской, Л. В. Титовой.⁸ В славянской рукописной традиции Слова «о женах» зачастую приписывались Иоанну Златоусту.⁹

Особая глава — «Слово 68. О женах» — входит в состав первоначальной редакции «Пчелы» (так называемой 71-главной), переведенной с греческого оригинала на Руси не позже XII—XIII вв.¹⁰ Эта глава содержит выписки из Св. Писания, сочинений отцов церкви, а также античных авторов: Демокрита, Диогена, Пифагора, Плутарха, Геродота и др. Слово «о женах» первоначальной древнерусской «Пчелы» помимо В. Семенова было также опубликовано П. Бессоновым по рукописи конца XIV в.¹¹

Вторую разновидность древнерусской «Пчелы» представляет редакция из 68 глав, в которой «женам» посвящена 27-я глава.¹² П. Бессонов отметил, что в этой главе встречается «много вставок», причем текст сильно варьируется («что рукопись, то, конечно, новый и особый извод»).¹³ Эта глава была издана П. Бессоновым по рукописи XVII в.¹⁴ и С. А. Щегловой по рукописям XV¹⁵ и XVII—XVIII вв.;¹⁶ тексты действительно заметно различаются. Время создания 68-главной «Пчелы», основанной на первоначальной ее разновидности, но переработанной и дополненной, может быть определено лишь по старшему списку — не позже XV в. Раздел «о женах» 68-главной «Пчелы» имеет много общего с русскими переделками Слов «о женах» и с «Молением» и «Словом» Даниила Заточника, однако взаимоотношение этих текстов не может считаться окончательно установленным.¹⁷

⁸ Сухомлинов М. И. О псевдонимах в древней русской словесности // Изв. имп. Академии наук. СПб., 1855. Т. 4. С. 126—147 (отд. изд.: СПб., 1855. С. 14—33; далее: Сухомлинов); Лавровский Н. А. Памятники старинного русского воспитания // ЧОИДР. 1861. Кн. 3, ч. 3. С. 22—29; Тихонравов Н. С. Летописи русской литературы. М., 1863. Т. 5. Отд. 3. С. 145—147; Некрасов И. С. Опыт историко-литературного исследования о происхождении древнерусского Домостроя. М., 1873. С. 110—112; «В 29 день месяца августа Слово Иоанна Златоуста на усекновение главы Иоанна Предтечи и о Иродии и о добрых женах и о злых»: Литографированное издание списка с рукописи XV в. из библиотеки Святейшего Синода в С.-Петербурге № 78. СПб., 1877 (Изд. ОЛДП. № 57); Архангельский А. С. Творения отцов церкви... С. 173—193; Пономарев А. И. Памятники древнерусской церковно-учительной литературы. СПб., 1897. Вып. 3. С. 119—124; Симони П. Памятники старинного русского языка и словесности XV—XVIII столетий. Вып. 3: Задонщины // СОРЯС. 1922. Т. 100, № 2. С. 6—10; Каган-Тарковская М. Д. «Слово о женах о добрых и о злых» в сборнике Ефросина // Культурное наследие Древней Руси: Истоки. Становление. Традиции. М., 1976. С. 382—386 (далее: Каган-Тарковская); Титова С. 400—409.

Гранстрем Е. Э. Иоанн Златоуст в древней русской и южнославянской письменности: (XI—XIV вв.) // ТОДРЛ. Л., 1980. Т. 35. С. 352, 355, 369 (№ 27, 45, 110).

¹⁰ См.: Творогов О. В. Пчела // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—перв. пол. XIV в.). С. 382—387. Список первоначальной редакции (ГПБ, Ф. п. 1. 44, XV в.) издан: Семенов В. Древнерусская «Пчела» по пергаменному списку. СПб., 1893. Глава «О женах» — на с. 417—426 (далее: Семенов).

¹¹ Бессонов П. Книга Пчела: Памятник древней русской словесности, переведенный с греческого // ВОИДР. 1857. Кн. 25. С. XXXVI—XL.

¹² Творогов О. В. Пчела. С. 384.

¹³ Бессонов П. Книга Пчела... С. XXI—XXII.

¹⁴ Там же. С. XLI—XLVI.

¹⁵ Щеглова С. А. «Пчела» по рукописям киевских библиотек: Опыт изучения и тексты. СПб., 1910. С. 57—60 (2-я паг.) (далее: Щеглова). Текст издан по выписке из 68-главной «Пчелы» в рукописи Киево-Михайловского монастыря, № 493 («Слово изо бчелы о женах от еу[ан]г[е]лия»; далее: Щеглова. Мих.).

¹⁶ Щеглова. С. 61—63.

¹⁷ См.: Сперанский М. Н. Переводные сборники изречений в славяно-русской письменности: Исслед. и тексты. М., 1904. С. 305—314; Творогов О. В. Пчела. С. 382—387; Лихачев Д. С. Даниил Заточник // Словарь книжников и книжности Древней Руси. Л., 1987. Вып. 1 (XI—перв. пол. XIV в.). С. 112—115.

Входящий в состав «Слова» и «Моления» Даниила Заточника отрывок о «злых женах», несомненно связанный с 71-главной и, особенно, с 68-главной «Пчелой» и со Словами «о женах», рассматривался М. Н. Тихомировым как поздняя вставка в произведение Даниила.¹⁸ В таком случае выяснение взаимоотношений этих текстов представляется еще более сложным. Не пытаясь разрешить этот непростой вопрос, выскажем здесь некоторые соображения о «жанровом образе» Заточника. Д. С. Лихачев определил его как «образ скомороха: балагура и умного попрошайки».¹⁹ К этому наблюдению можно добавить, что образ насмешливого, порой грубого персонажа, наблюдающего жизнь с едким остроумием и эпатирующего своими репликами окружающих, был хорошо известен древнерусским книжникам — это образ киника Диогена Синопского в «Пчеле» (например: «Диогень. Съ[и] видѣвъ жены прящася и реч[е]: „Зрите, како аспида отъ ехидны зелья проситъ“»²⁰). Если вспомнить, что Даниил называет себя «нищим мудрым»²¹ и прямо использует приписываемый Диогену текст, известный также «Пчеле», о жене, смотрящейся в зеркало (см. об этом подробнее на с. 297), то можно предположить, что «жанровый образ» Даниила включает в себя и некоторые черты образа нищего философа-кинника.

Анализируя древнерусские тексты о «злых женах», Л. В. Титова отметила как их характерную черту переплетение книжных источников с фольклорными, частое использование «мирских притчей».²² Так, например, монах-книгописец Кирилло-Белозерского монастыря Ефросин (конец XV в.) включил в состав «Слова о женах о добрых и о злых» своеобразный диалог, «в котором чередуются противопоставления в поведении доброй жены и жены злой»; источники этого диалога, по мнению М. Д. Каган-Тарковской, «скорее всего, следует искать в фольклоре» — он напоминает «разыгранную скоморохами сценку, где каждая ситуация может быть представлена в лицах».²³ Л. В. Титова отметила также смешение книжного стиля и устной поэтической традиции в других сочинениях, посвященных «злым женам», — в приведенном М. И. Сухомлиновым Слове «о женах» из Измарагда XVI в.²⁴ и в «Молении» Даниила Заточника.²⁵

Среди текстов, которыми древнерусские книжники обогащали свои сочинения о «злых женах», обращают на себя внимание своеобразные «мирские притчи» — небольшие сюжетные повествования (о муже, плачущем по злой жене; о продающем детей от злой жены; о золоте на «злообразной» жене; о жене, глядящейся в зеркало; о женившемся на богатой вдове; о муже, притворившемся больным; о посекавшем первую жену и просящем за себя вторую; о муже, которого звали на зрелище «играния» обезьян, и др.).²⁶ Из всех этих текстов только один — о жене, глядящейся в зеркало, — не-

¹⁸ Тихомиров М. Н. «Написание» Даниила Заточника // ТОДРЛ. Л., 1954. Т. 10. С. 273—275.

¹⁹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров Древней Руси // Лихачев Д. С. Исследования по древнерусской литературе. Л., 1986. С. 70.

²⁰ Семенов. С. 422; ср.: Строев С. Описание памятников славяно-русской литературы, хранящихся в Публичных библиотеках Германии и Франции. М., 1841. С. 124.

²¹ Зарубин Н. Н. Слово Даниила Заточника по редакциям XII и XIII вв. и их переделкам. Л., 1932. С. 21, 56 («Не лиши хлѣба нища мудра»; «Нищѣ бо, а мудръ...»); С. 104 («Не возненавиждѣ мудраго нища»; «Нищѣ бо мудръ...») (далее: Зарубин).

²² Титова. С. 118—119.

²³ Каган-Тарковская. С. 385.

²⁴ Сухомлинов. С. 27.

²⁵ Титова. С. 119.

²⁶ См.: Семенов. С. 436; Щеглова. С. 58—60; Зарубин. С. 27, 32, 33, 44, 69, 70, 118; Каган-Тарковская. С. 384; Титова. С. 406, 409.

сомненно, восходит к греческому источнику, остальные же, встречающиеся в 68-главной «Пчеле», у Даниила Заточника и в Словах «о злых женах», известны нам только по древнерусским рукописям. Этот факт позволяет не согласиться с Е. Модестовым, заметившим по поводу сочинения Даниила Заточника, что «мрачный тип злой жены списан автором, конечно, не с русской женщины тогдашнего, хотя и не образованного, но еще молодого и свежего русского общества, а с греческих поучений о женах, в которых изображается испорченная византийская женщина».²⁷

Очевидно, сама возможность проникновения в поучения фольклорной стихии может быть объяснена совпадением отрицательного отношения и «ключа изображения» «злых жен» в книжных текстах и в народном творчестве, в частности в анекдотической сказке, которая знала великое множество сюжетов такого рода.²⁸ Е. М. Мелетинский отметил, что «специфической чертой анекдотического жанра» следует считать «не просто шутливость или остроумный финал», а «абсурдные парадоксы», «выворачивание наизнанку логики и обыденной реальности».²⁹ Соглашаясь с этим положением, мы должны отметить, что такого рода «абсурдные парадоксы» свойственны не только устному анекдоту, но целому роду книжных текстов о «злых женах», созданных по принципу «заданная ситуация — выворачивающая ситуацию наизнанку реплика или действие персонажа». Эти тексты часто бывают построены по модели «видев (видех)... — рече (рекох)...» и в значительной степени лишены нравоучительности и назидательности, свойственной жанру притчи. «Карнавалыный» характер обличений «злой жены» у Даниила Заточника был отмечен Д. С. Лихачевым: «Смех над своей женой — только предполагаемой или действительно существующей — был разновидностью наиболее распространенного в средние века смеха: смеха над самим собой, обычного для Древней Руси „валяния дурака“, шутовства».³⁰

Следует заметить, что жанр фольклорного анекдота не был полностью чужд древнерусской письменности. Не говоря уже о XVII в., когда, как отметил Д. С. Лихачев, «на Руси усваивается ряд переводных жанров», в том числе «веселые анекдоты (в первоначальном смысле этого слова анекдот — это историческое происшествие)»,³¹ известны случаи и более раннего проникновения этого жанра в русскую средневековую книжность. Еще А. Пельтцер отметил, что притча «о проливавшем мед и масло», содержащаяся в «Стефаните и Ихнилате», есть не что иное, как фольклорный анекдот о простаче, строящем воздушные замки, но разбивающем принадлежащий ему реальный предмет.³²

²⁷ Модестов Е. О послании Даниила Заточника // ЖМНП. 1880. Ч. 212, № 11. С. 165—196.

²⁸ См.: Сравнительный указатель сюжетов: Восточнославянская сказка / Сост. Л. Г. Багра, И. П. Березовский, К. П. Кабашников, Н. В. Новиков. Л., 1979. С. 273—305 (№ 1350—1524); Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот в системе фольклорных жанров // Учебный материал по теории литературы: Жанры словесного текста. Анекдот. Таллинн, 1989. С. 71—72.

²⁹ Мелетинский Е. М. Сказка-анекдот... С. 73—74. Ср.: Пельтцер А. Происхождение анекдотов в русской словесности // Сб. Харьк. ист.-филол. об-ва. Харьков, 1899. Т. 11. С. 57—117; Сумцов Н. Ф. Разыскания в области анекдотической литературы: Анекдоты о глупцах // Там же. С. 118—315; Кирпичников А. Отзыв о сочинении профессора Н. Ф. Сумцова // Отчет о сорок втором присуждении наград графа Уварова. СПб., 1902. С. 151—174.

³⁰ Лихачев Д. С., Панченко А. М., Поньрко Н. В. Смех в Древней Руси. С. 25.

³¹ Лихачев Д. С. Система литературных жанров... С. 91.

³² Пельтцер А. Происхождение анекдотов... С. 72; Стефанит и Ихнилат: Средневековая книга басен по русским рукописям XV—XVII веков / Изд. подгот. О. П. Лихачева и Я. С. Лурье. Л., 1969. С. 43, 97—98, 149, 242. Ср. также анекдот из «Луга духовного» Иоанна Мосха, вошедший в «Синайский патерик», о ленивом ученике старца Антипа, который попал в ад и находился в огненной реке, благодаря молитвам учителя, только по шее, стоя «на врьсь епискупу» (Синайский патерик. М., 1967. С. 95—96; Мурьянов М. Ф. Из истории чувства юмора. С. 199—200).

Разнообразные «мирские притчи», включавшиеся древнерусскими книжниками в сочинения о «злых женах», можно рассматривать как «первичные жанры» (Д. С. Лихачев)³³ или «простые формы» (А. М. Панченко),³⁴ которые входили в состав «объединяющих жанров» литературы Древней Руси.³⁵ С этой точки зрения особый интерес представляет сочинение о «злых женах», находящееся в рукописи конца 70-х гг. XV в. — Златой матице (далее — ЗМ).³⁶ Анализ состава ЗМ (ГПБ, ф. № 905 (НСРК), 1946 г., № 35/2 F) привел к заключению о том, что эту рукопись можно назвать своего рода «авторским» сборником, составленным с определенными дидактическими и просветительскими целями. Составитель ЗМ обращался к различным литературным источникам, но главным образом к тем, которые получили типологическую завершенность только к XV в. (Торжественник 2-й редакции, Измарагд).³⁷ На л. 141—143 об. этой рукописи находится интересующий нас текст, озаглавленный «А съ о злых женах». Представляя собой самостоятельную и оригинальную разработку темы «злых жен», это сочинение сохраняет тесную связь со Словами «о женах», с 68-главной «Пчелой», с «Молением» и «Словом» Даниила Заточника. Непосредственно за нашим произведением в ЗМ следуют еще два любопытных памятника, также заслуживающие в будущем специального рассмотрения, — компилятивное «Слово о въздержании языка» (л. 143—145; нач.: «Соломон рече: Възг[лаго]лемъ преди о гла[гола]нии усть н[а]ших...») ³⁸ и особая, как можно думать, псковская редакция «Слова с[вя]того Григория изъобретено въ толцѣхъ его о томъ, како пѣрвое погании суще языци кланялися идоломъ и требы имъ клали, иже и н[ы]нѣ то творять» (л. 145—148 об.; нач.: «Видите ли ока[я]нную сию и сквѣрную службу створяему...»).³⁹

Текст сочинения «о злых женах» по списку ЗМ приводится полностью, по правилам, принятым в ТОДРЛ, с необходимыми комментариями. Кроме оговоренных ранее в комментариях принято следующее сокращение: ГБЛ, ф. № 344 (собр. Шибанова), № 248, л. 84 об.—88 («Словеса избранная о злых женах»), XVIII—XIX вв. — Шиб. Этот список указан мне Л. В. Титовой, за что приношу ей глубокую благодарность. Условная нумерация фрагментов текста принадлежит нам и сделана для удобства комментирования.

³³ Лихачев Д. С. Система литературных жанров... С. 60—63.

³⁴ Истоки русской беллетристики. Л., 1970. С. 539—558.

³⁵ Ср. о включении притчи из «Пчелы» в состав «Слова похвального инока Фомы»: Poljakov F. B. Artaxerxes und der Bauer: Eine griechische Florilegien-Anekdote im Tverer Zyklus über den Fürsten Boris Aleksandrovič // Die Welt der Slaven. München, 1989. Bd 34. Heft 1. S. 167—172.

³⁶ См.: Бобров А. Г. Псковский сборник XV в. «Златая матица» // Археология и история Пскова и Псковской земли: Тез. докл. научно-практической конференции. Псков, 1988. С. 40—41; Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы // ТОДРЛ. Л., 1990. Т. 43. С. 341—358 (здесь же подробное описание рукописи).

³⁷ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы. С. 352—353.

³⁸ В состав этого Слова входит, в частности, такая «мирская притча»: «От лѣт[о]пис[и]. Янь старецъ Киевскыи бл[а]ж[е]нны видѣвъ некоего раба, сквѣрная словеса гл[аголю]ща и реч[е]: „С[ы]ну, подобаетъ тебѣ в семь вѣцъ работати, а въ онѣмъ вѣцъ мучитися“» (ЗМ, л. 144).

³⁹ Бобров А. Г., Черторицкая Т. В. К проблеме Златой матицы. С. 347—348, 355.

ПРИЛОЖЕНИЕ

«А съ о злы[х] [же]на[х].

л. 141 об.

(1). Что е[сть] зла жена? Око дияволе, торгъ адовъ, сквѣрна[м] ѣ ц[а]рь, воевода неправдамъ, стрела сотонина, и уязвляющи многымъ с[е]р[д]це.

(2). Что е[сть] жена? Сътъ утворена, прелщающи ч[е]л[ове]кы въ сласте[х]; свѣтлымъ убо лице[м] и высокыма очима намизающи, ланитома ск[л]абящися, языкомъ поущи, словесы чарующи, ризы повлачащи, ногами играючи, дѣлы убиваючи. Те[мъ] гл[аголе]тъ: «Въ добротѣ женѣстѣи мчози погыбоша, и о[т] того любы яко огнь възгарається».

(3). Что е[сть] жена зла? Кладязь смрадѣнь, стрѣла съ чемеремъ, вѣтръ свѣтръ, д[е]нь невѣдрѣнь, пустота дому, бѣшена сука, неистова коза.

(4). Нѣкто вѣнидѣ въ б[о]гаты домъ къ вдовѣ и оженится ею, но бяше зла. И людие хваляху ему, он же рече: «Не н[ы]нѣ хвалитѣ ми, но егда избуду ея».

(5). Некому досажаше жена, кленуши см[е]ртию и всеми злобами по вся дни, мужеви же недоумѣючи, чего домыслити[ся] о семъ. И присуну к собѣ немощъ злу, // и възлегъ ницѣ, завѣпи. Она же нача плакатися по не[м]. Мужъ же възклонився рече[н] еи: «Почто, окайнная, плачеши мене, а по вся дни см[е]ртию клѣнуши?». И вѣставъ имъ ю за власы, нача бити ю дрѣво[м] и пусти едва живу. Она же о[т]толѣ нача не кляти мужа своего.

л. 142

(6). Нѣкому умре жена зла. Он же по малѣ[х] днехъ нача запродавати дѣти ея. Людие же клѣняху его, он же рече: «Боюся, еда како и сии въ м[а]т[е]рь буду[т], да некако възрастъше, мене про[да]дутъ».

(1). Вопросом «что есть зла жена?» начинаются многие фрагменты в Изборнике 1073 г. (л. 174), «Пчеле» 1-й редакции (Семенов. С. 423—424), «Слове» Даниила Заточника (Зарубин. С. 28, 119), Словах «о женах» в сборниках Ефросина (Каган-Тарковская. С. 383; Титова. С. 405), но они заметно отличаются от нашего текста. Ср. сходные выражения в Изборнике 1073 г.: «Что бо есть жена?»; «...дияволъ уветь...»; «...хоругвь адова...»; «...оружье дьяволе...» (л. 174—175). Наиболее близок к нашему текст в отрывке из 68-главной «Пчелы»: «Что ес[ть] зла жена? Око дьяволѣ, горло адово, ц[а]рь скверна, воевода неправда, стрѣла сотанина, уязвляющи мнози ч[е]л[ове]кы» (Щеглова. Мих. С. 57).

(2). Текст фрагмента почти дословно совпадает и, очевидно, восходит к «Вопросам и ответам» Анастасия Синаита в Изборнике 1073 г. (л. 174).

(3). Схожий текст в 68-главной «Пчеле»: «Что ес[ть] зла жена? Мразъ золь, кладезь злосмраденъ, прывьи врагъ, ядъ аспидень, стрѣла с чемеремъ, д[е]нь неведрѣнь, пустота дому, бесная сука, неистова коза» (Щеглова. Мих. С. 58). Ср. в «Слове» Даниила Заточника: «О злое, острое оружие дьяволе и стрѣла, лѣтящей с чемеремъ» (Зарубин. С. 32); «Жена зла и неистова аки вѣтръ въ дому своемъ» (Там же. С. 47); в Изборнике 1073 г.: «дому буря..., некротимыи звѣрь» (л. 174); в 71-главной «Пчеле»: «Что есть жена? ... дому пагуба..., медведь питаемъ..., обуимающи львица, украшена ехидна, лъстива сука, животного лукава...» (Семенов. С. 423—424).

(4). Аналогичный текст с пометой «Ульмастръ рече» см. в Слове из 68-главной «Пчелы» (Щеглова. Мих. С. 58), а также в списке Шиб., л. 84 об.—85.

(5). Аналогичный текст с пометой «Диктанъ рече» см. в 68-главной «Пчеле» (Щеглова. Мих. С. 58). В отличие от предыдущего фрагмента, здесь заметна назидательность; текст можно назвать небольшой нравоучительной новеллой.

(6). Наиболее близкий текст см. в «Пчеле» с пометой «Мурионъ рече» (Щеглова. Мих. С. 58—59). Параллели к этому фрагменту встречаются также у Даниила Заточника: «Нѣ у кого же умре жена; он же по матерных днехъ нача дѣти продавати. И люди рѣша ему: „Чему дѣти продаешь?“. Он же рече: „Аще будутъ родилися в матеръ, то, возросшыи, мене [пр]одадутъ“» (Зарубин. С. 32—33; ср. с. 44); в сборниках Ефросина: «Видѣхъ у коего мужа злая жена умирает. Он же начат по неи дѣти свои продавати. И аз рекохъ ему: „О чем, брате, дѣти свои продаешь?“. Отвѣща ми он: „Аще возрастутъ злыя жены дѣти, то мене продадутъ“» (Каган-Тарковская. С. 384. Ср.: Сухомлинов. С. 31; Титова. С. 406). Аналогичные тексты встречаются также в рукописях ГПБ, Q.I.1163, XVIII в. (Титова. С. 409) и Шиб., л. 86—86 об.

(7). Сеи ре[че], плачася по зле жене: «Не сего плачюся, зане умре ми жена, но сего плачюся, аще такова будетъ и другая!».

(8). Нѣкто посече жену, зане зла бѣ. Просящу же ему инья за ся, и рекоша ему: «Како имамъ за тя дати, а ты пѣрвую посече!» Онъ же рече: «Аще такова буде[т] другая, то и третью посечи имамъ».

(9). Жены борзее себѣ не поймаи, не аки г[осподи]нѣ еи будеши, но она аки г[оспо]жа ти будетъ.

(10). Видѣвъ стару жену, мажушеся румянцемъ и приникающу въ зеркало, и ре[че]: «Не въ зеркало зри, но въ корысть!».

(11). Зла кобѣ, зла жена биема бѣситься, кротима высить[ся].

(7). Схожий текст с пометой «Павел ре[че]» см. в «Пчеле» (Шеглова. Мих. С. 59). Аналогичные тексты встречаются в сборниках Ефросина: «Видѣх у нѣкоего мужа злая жена умираетъ, он же начат плакаться и тужити по ней. И аз рекох ему: „О чем, брате, плачешь, по злои сеи жень?“ Он же отвѣща ми: „О том, брате, плачу, да будетъ злои, дѣ не заправду умерла. Аще ли паки будетъ заправду умерла, иное бы ми Бог другие паки не дал бы“» (Каган-Тарковская. С. 384; ср.: Титова. С. 406). М. Д. Каган-Тарковская отметила, что предыдущая и эта притчи — о продаже детей злой жены и о муже, плачущем по злой жене, — читаются и в «Пчеле», причем, по ее мнению, именно «Пчела» и явилась литературным источником Ефросина. Но в первоначальной (71-главной) редакции «Пчелы» этих текстов нет, а вопрос о взаимоотношении 68-главной «Пчелы» и Слов о «злых женах» не может считаться решенным. И Ефросин, и составитель русской «Пчелы» могли заимствовать эти тексты из сочинения о женах типа встречающегося в ЗМ. Ср. также тексты в поздних списках ГПБ, Q.I.1163 (Титова. С. 409), Шиб., л. 86 об. и Сухомлинов. С. 31 (в последнем обе притчи контаминированы в единый рассказ, как и у Ефросина, от первого лица).

(8). Схожий текст с пометой «Дианъ ре[че]» см. в 68-главной «Пчеле» (Шеглова. Мих. С. 59).

(9). Ср.: «Ерон ре[че]. И жены горши себе не поминаи, и паки г[осподи]нѣ будеши еи, а не яко оспожа ти будетъ» (Там же). Текст в ЗМ более исправен. Заметим, что рассуждения о главенстве мужа в семье являются «общим местом» древнерусских текстов. См., например, у Даниила Заточника: «Послушъ, жены, слова Павла апостола, глаголюща: „Крестъ есть глава церкви, а мужъ женѣ своей“» (Зарубин. С. 30) или в сборнике Ефросина: «Жена не человекъ есть, но на службу человеком дана от Бога» (Каган-Тарковская. С. 384).

(10). Первоисточник этого анекдота — апофтегма о Диогене Синопском: «Увидев приходящую старуху, Диоген сказал: „Если для живых, то напрасно, если же для мертвых, то не мешкай“» (Антология кинизма. М., 1984. С. 141). Со ссылкой на Диогена этот анекдот попадает в первоначальную редакцию «Пчелы»: «Диогень. Се[и] видѣвъ стару жену, красящуюся вапомъ и ре[че]: „Аще къ живымъ красишися, то облазилася еси, аще ли къ м[е]ртвымъ, то не облынишя“» (Семенов. С. 436). У Даниила Заточника этот анекдот встречается в двух вариантах: 1) в «Слове»: «Видѣх жену злообразну, причинующе к зеркалу и мажушися румянцемъ, и рѣх еи: „Не зри в зеркало, видѣвши бо нелѣпоту лица своего, зане большую печаль примеша“» (Зарубин. С. 27; ср. с. 118); 2) в «Молении»: «Паки видѣх стару жену..., причинующи в зеркало, и рекох еи: „Не позоруй в зеркало, но зри в корысть...“» (Там же. С. 69—70; ср. с. 95). Оба эти варианта встречаются в сборниках Ефросина: 1) текст, аналогичный анекдоту из «Слова» Даниила Заточника: «Видех нѣкую жену злообразну, смотряющуюся в зеркало, и аз рекох еи: „Жено, что ся смотриши в зеркало, большую си печаль примеша, видѣвши нелѣпоту лица своего“»; 2) текст, аналогичный анекдоту из «Моления» Даниила: «Видѣх нѣкую жену злообразну, смотряющуюся в зеркало, и аз рекох еи: „Жено, что ся смотриши в зеркало, смотриши в дубову колоду“» (Каган-Тарковская. С. 384. Ср.: Титова. С. 407). М. Д. Каган-Тарковская справедливо отмечает, что ефросиновская «дубовая колода» аналогична «коросте» у Заточника (в значении «гроб»), но, несмотря на это, ошибочно, на наш взгляд, считает, что не «Слово» Даниила Заточника, а именно «Пчела» и явилась литературным источником Ефросина. Приведенный материал показывает, что ефросиновские притчи-анекдоты о «старой жене», смотрящейся в зеркало, более схожи с текстами Даниила Заточника, чем с «Пчелой». В списке ЗМ этот анекдот наиболее близок тексту «Моления» Даниила Заточника. В списке Мих. с пометой «Конхолии ре[че]» содержится текст, близкий другой версии анекдота (Шеглова. Мих. С. 59).

(11). Текст изречения восходит к Изборнику 1073 г. (л. 173: «Жена же злыа и корима бесится, и квочима вышиться»); ср. в «Слове» Даниила Заточника: «Зла жена биема бѣситься, любима высится» (Зарубин. С. 28; ср. с. 118) и в Слове из 68-главной «Пчелы»: «Анадан Мосхион Иасафу. Ужели еси укротил жену? Он же ре[че]: „Велика вещь[ь] жена кротити, зла бо жена биема бѣситъ, а кротима высится“» (Шеглова. Мих. С. 59).

(12). Зваху нѣкоего на позорѣ игранія облезянѣ, онѣ же ре[че] имѣ: «Имамѣ дома // облезяну — жену злообразну!».

л. 142 об.

(13). Много помочи бѣсу въ женскы[х] клюка[х].

(14). Устрѣль бяхъ лва на пути и разбоиника на распутьи, обою сего убѣжа[х], а злы жены не мого[х] убѣжати.

(15). Суть мужи города владѣющы, а женамъ работающе.

(16). Видѣвъ писца иконнаго, продающа иконы и много цѣны хотѣща, и рече: «Не много цѣны хоши, да не вторы[и] Июда будеши, продавыи Г[оспод]а!».

(17). Видѣвъ скомраха идуща и ре[че] ему: «Владѣи на[д] бѣсы, гдѣ идѣши? Чи къ о[т]цю своему Сотонѣ?».

(18). Нѣкто по[д]рученъ бѣ рѣзоимцю. Идущу ему мимо дворъ его, видѣ у тына его псы щетину грызуща, и рече: «Обрадовался бы[х], яко г[осподи]на дому сего ядять!».

(19). Видѣвъ русалкы по граду идуща и рукавома прѣгыбающе, и рече: «Се суть муриносице адовы идутъ къ о[т]цю своему Сотонѣ!».

(20). Видѣвъ ч[е]л[ове]ка толста тѣло[м] и ре[че]: «Сему подобаетъ близъ поля жити, да не вѣликъ трудъ будетъ влѣкущи[м] тѣло его къ гробу».

(21). [Д]ума женска не тверда е[сть], аки храмъ непокровенъ.

(22). Иже не видѣвъ, ни слышавъ ничтоже, но самъ замысливъ, что любо не бл[а]го молвити, тотъ по[до]бенъ е[сть] псу, на вѣ//трѣ лающу. л. 143

(23). Слышалъ ли е[сть]: что не бл[а]го, то не гл[аго]ли въ уши безумнымъ, но съгнои на с[е]р[д]ци своемъ.

(24). Не мощно дружбы имѣти волку съ агнѣдемъ, тако убогу съ б[о]гаты[м].

(12). Ср.: «Аристодоръ ре[че]. Сего зваху некогда на позоры облѣзяны, он же ре[че]: „Имамѣ дома облезяну злообразну“» (Там же. С. 60).

(13). Аналогичный текст с пометой «Лалави ре[че]» см.: Там же.

(14). Схожий текст с пометой «Дафиан ре[че]» см.: Там же.

(15). Текст восходит, очевидно, к 71-главной «Пчеле»: «Димокри[т]. Суть друзии иже города владѣюще, а женамъ работаю[т]» (Семенов. С. 35—36); ср. в 68-главной «Пчеле»: «Димас ре[че]: „Сут[ь] мужи град[а]ми владеют, но женамъ работаютъ“» (Щеглова. Мих. С. 60).

(16—20). Схожих текстов в древнерусских источниках не обнаружено. Во всех этих пяти анекдотах, на наш взгляд, нет никаких признаков их переводного характера. Лексика этих текстов свидетельствует об их русском происхождении («поле» в значении «кладбище», «рѣзоимец», «русалкы», «тын», «щетина» и т. д.). Так, например, по мнению Б. А. Рыбакова, в русских средневековых источниках есть слово «русалии», но нет «русалок», это слово соответственно заменено южнославянским словом «вилы», а в русских этнографических материалах, наоборот, «широко известны русалки и нет вил» (Рыбаков Б. А. Язычество Древней Руси. М., 1987. С. 352). Как видим, в нашем анекдоте фигурируют именно русалки, причем здесь имеются в виду не мифологические существа, а, очевидно, участницы языческих празднеств — русалии. Пародийный смысл этого анекдота заключается в следующем: как жены-мироносицы приносили масло для помазания Иисуса Христа во гробе, так и «русалки» идут для помазания «отца своего Сотонѣ». Объединяет эти пять анекдотов «жанровый» образ автора, с поистине «кинической» безжалостностью смеющегося над «толстым человеком», сравнивающего (весьма рискованно!) «писца иконнаго» с Иудой, а жен-мироносиц — с адовыми дочерьми-«русалками». Думается, эти тексты, возникшие на стыке литературы и фольклора, в значительной мере лишены элементов «серьезности» и «назидательности». Отметим также явную неуместность этих анекдотов в произведении, посвященном теме «злых жен», что подчеркивает их особое происхождение.

(21). Ср.: «Алодам ре[че]: „Дума женска не твѣрда, аки храмъ непокровенъ“» (Щеглова. Мих. С. 60). Схожие тексты также встречаются у Даниила Заточника: «Ум женский не твердъ есть» (Зарубин. С. 48) и в списке Шиб., л. 88: «Женская есть дума, аки храм не покрыт».

(22—23). Аналогий для данных изречений в древнерусских текстах не найдено.

(24). Схожий текст встречается в выписках из «Пчелы», содержащихся в рукописи Киевской Духовной академии, № 531 (XVII в.): «Не может богаты со убогим в дружбе быти, аки волкъ со а[гн]нцем» (Щеглова. С. 42).

(25). Дионисии ц[а]рь слышавъ гудьца добрѣ гудуша и порце ему капъ зла[та]. И прииде заутра, прося капи зла[та], и рече ему ц[а]рь: «Ты мя обвесели погудѣниемъ, и азъ тебѣ — общаниемъ. И се о[т]иде о[т] мене твое веселие, а о[т] тебѣ — мое общание».

(25). Этот анекдот, очевидно, заимствован из первоначальной редакции «Пчелы»: «Дионисии ц[а]рь, слушая гудьца, добрѣ гудуша, обща ему даръ дати капъ злата. Утру же бывшу, и приде гудецъ просить общанаго, он же отвѣща: „Ты вчера, гуда, възвеселить мя еси пѣсньми, а я[з] такоже общнѣ[м] възвеселихъ васъ, нынѣ же о[т]иде о[т] ушью моею веселие твое, а о[т] тебе упование мое“» (Семенов. С. 89—90).